Б11 02/64

СЪ НАМИ БОГЪ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г.

СОСТАВИЛЪ

С. Н. ШУЛЬГИНЪ

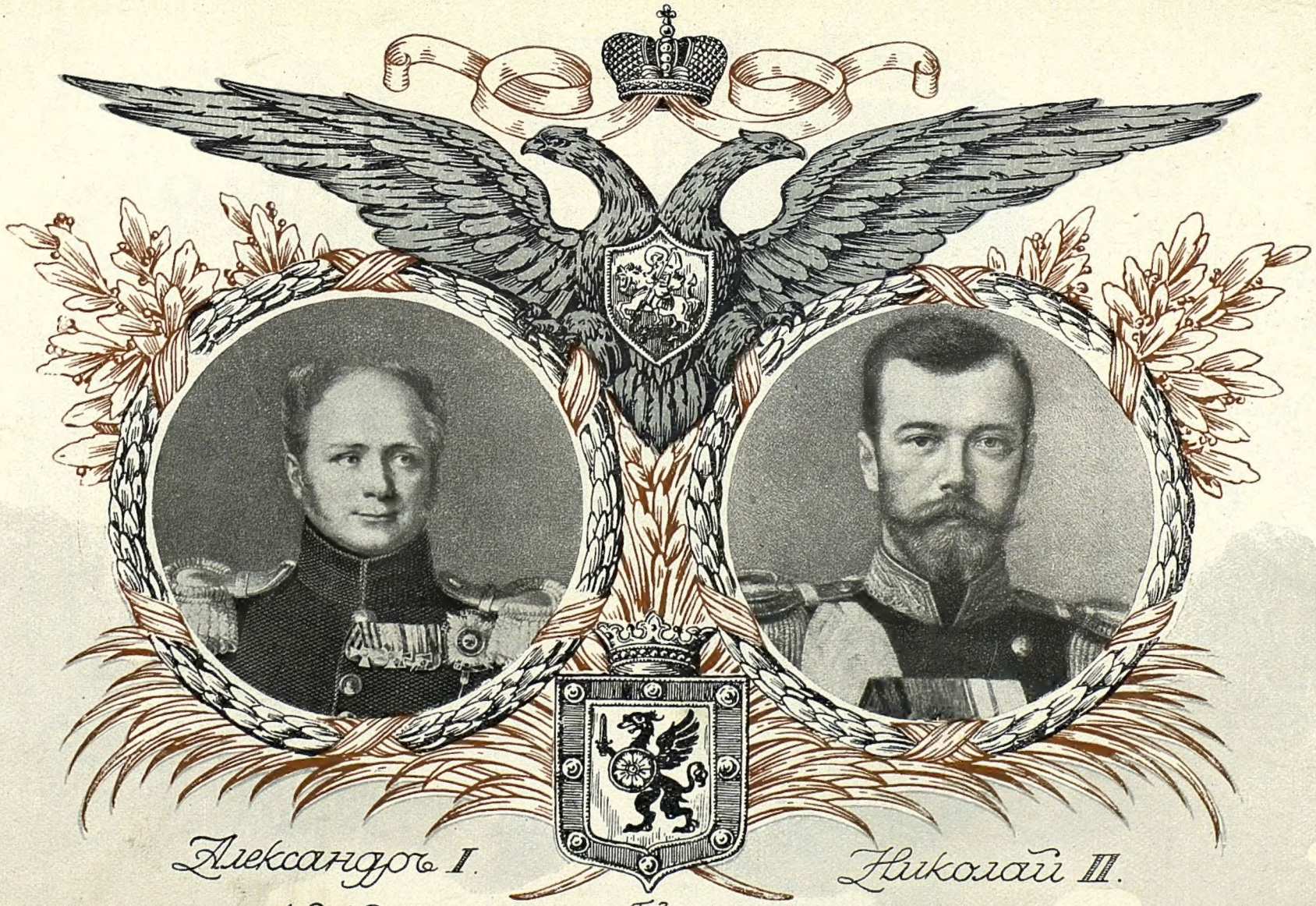
1912.

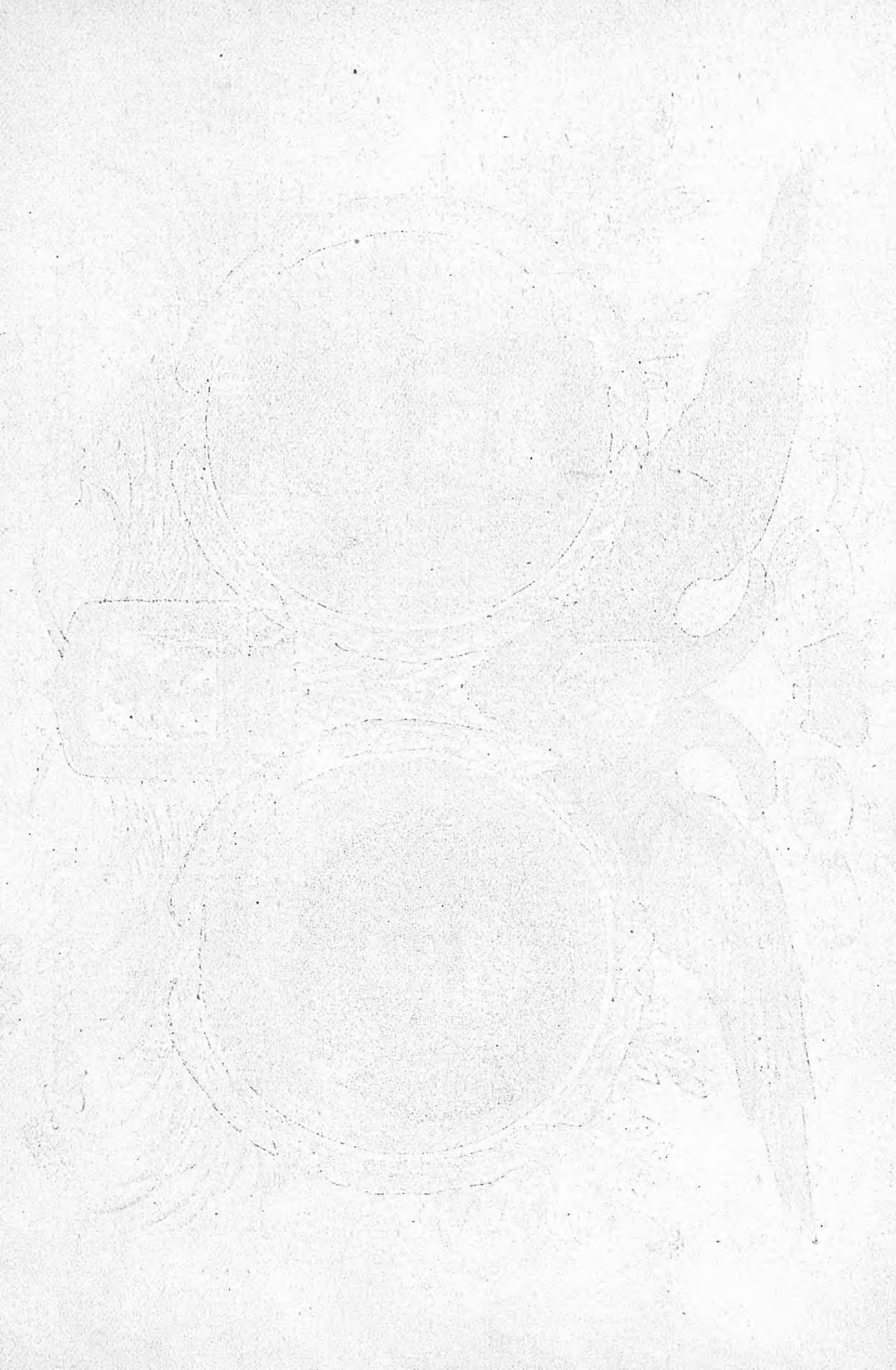
Изданіе Московскаго Учебнаго Округа подъ редакціей В. И. Комарницкаго

1812/1912

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 317780
193 г.

Б 11 02/64


Александръ I.
1812
Б. З.
Николай II.
1912



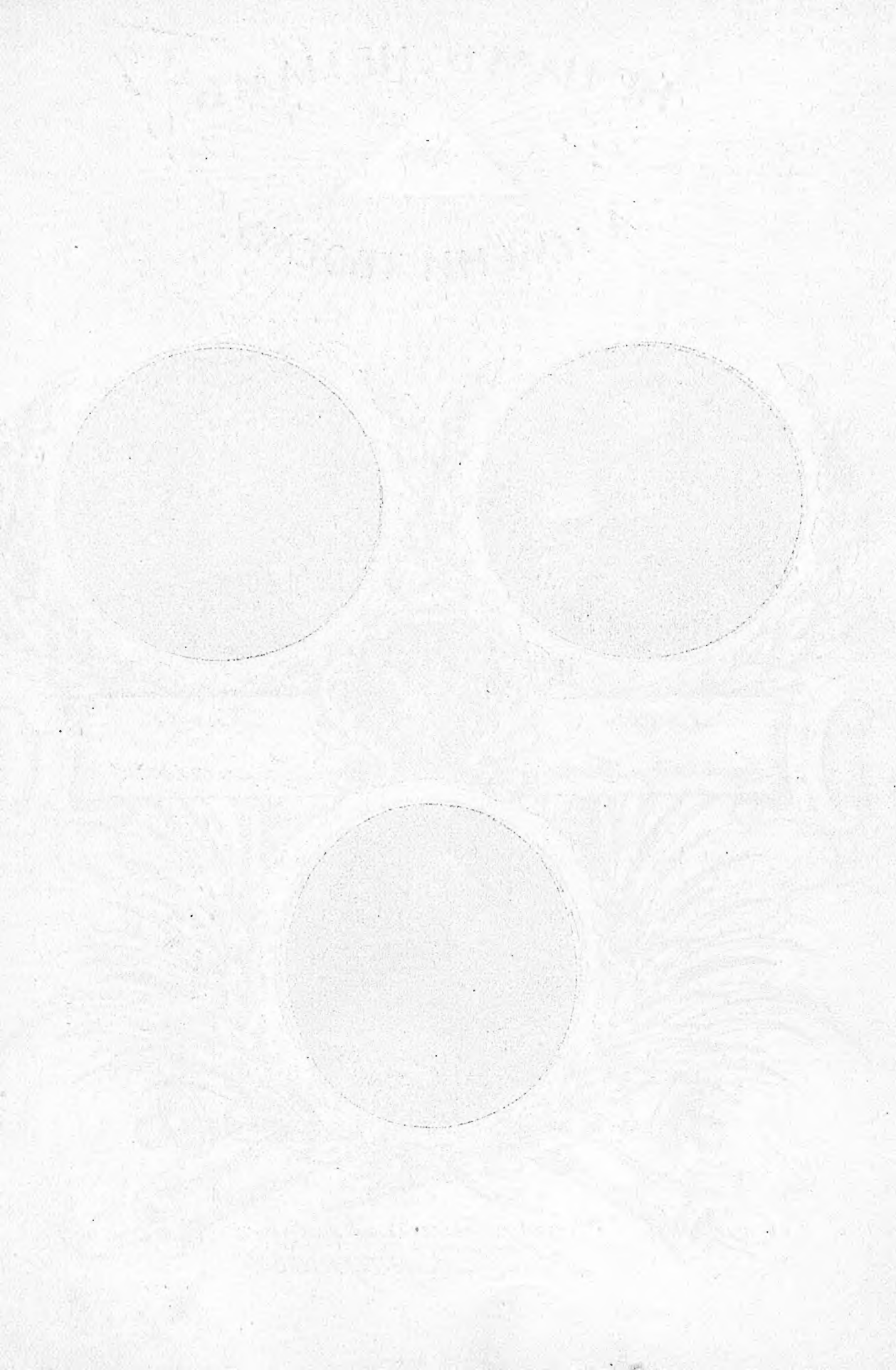
НЕ НАМЪ, НЕ НАМЪ,

А ИМЕНИ ТВОЕМУ.

Графъ Барклай де Толли

Князь Багратіонъ

Светлѣйшій Князь М. И. Кутузовъ



45
Б II 62/64

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 г.

составилъ С. Н. ШУЛЬГИНЪ.

6527

Изданіе Московскаго Учебнаго Округа

подъ редакціей

В. И. КОМАРНИЦКАГО.

Для начальныхъ школъ и народа.

1912.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1912.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА—
1812 ГОДА.

Какъ хороша, о Русь, въ бытописаньи
Кровавая страница испытанья
И подвига твоихъ сыновъ.

Графиня Растопчина.

Кто изъ васъ не слыхалъ про французское разореніе? Кто не слыхалъ про то, какъ сгорѣла матушка-Москва, принесенная въ жертву за нашу родину, какъ всѣ вѣрные сыны ея грудью стояли за отечество и какъ Господь благословилъ ихъ подвигъ: дерзкій врагъ былъ посрамленъ, отечество спасено отъ нашествія двадцати народовъ, государство наше возвеличено...

Съ того времени прошло 100 лѣтъ, и никого уже нѣтъ въ живыхъ, кто помнилъ бы объ этомъ: и только по книгамъ можно дознаться, что̀ и какъ происходило.

Александръ и Наполеонъ.

Правилъ тогда Россіей Императоръ Александръ Павловичъ, любимый внукъ императрицы Екатерины Великой, которая всю душу положила, чтобы просвѣтить его разумъ полезными науками. Вступивъ на всероссійскій престолъ послѣ своего отца, онъ много дѣлалъ добра народу и былъ любимъ всѣми. Отъ войнъ онъ сначала воздерживался, зная, что отъ нихъ бываетъ народу много горя и разоренія. Но скоро ему пришлось, волей-неволей, вмѣшаться въ войны, которыя разгорѣлись въ Европѣ, неподалеку отъ нашихъ границъ.

Виновникомъ этихъ войнъ былъ Наполеонъ Бонапартъ,— смѣлый и отважный, а главное—очень искусный и счастливый полководецъ. Онъ ловко воспользовался смутами во Франціи и послѣ цѣлаго ряда громкихъ побѣдъ надъ врагами былъ провозглашенъ французскимъ императоромъ. Скоро многія державы признали надъ собой его власть. Когда же онъ вздумалъ напасть на нашихъ ближайшихъ сосѣдей — Австрію и Пруссію, то Александръ сталъ опасаться за свои земли и помогъ сосѣдямъ. Но Наполеонъ нанесъ пораженія и ихъ арміямъ и нашей, и оба государя — австрійскій и прусскій—должны были покориться его власти. Послѣ того, въ Европѣ изъ сильныхъ государствъ оставалось только два, которыя отказывались признать надъ собой его власть—Россія и Англія. Съ Англіей открытой силой Наполеонъ ничего не могъ сдѣлать: лежитъ она на островахъ, окружена со всѣхъ сторонъ морями и всегда держитъ наготовѣ сильнѣйшій въ мірѣ флотъ, вооруженный пушками. Къ ней не подступишься! И вотъ Наполеонъ придумалъ одолѣть Англію инымъ способомъ: постараться повредить ея торговлѣ съ другими странами. Отъ подвластныхъ государствъ Наполеонъ потребовалъ прекратить вовсе съ Англіей торговлю и не впускать къ себѣ въ гавани ея кораблей. Такъ какъ Англія и съ нами вела большую торговлю, сбывая въ обмѣнъ на наше сырье (хлѣбъ, кожи, сало и др.) свои фабричные товары (сукна, издѣлія металлическія и др.), то онъ предложилъ и Александру поддержать его затѣю и вступить съ нимъ для этого въ договоръ. Оба государя—русскій и французскій—съѣхались въ нѣмецкомъ городѣ Тильзитѣ, и Наполеонъ такъ хитро по-

велъ переговоры, такъ сумѣлъ понравиться Александру, что недавніе враги сдѣлались друзьями и заключили между собою союзъ.

Россія закрывала свои гавани для англійскихъ кораблей.

Однако, дружба Александра съ Наполеономъ оказалась недолговѣчной. Прекращеніе торговли съ Англіей было очень невыгодно для Россіи: сильно вздорожалъ привозный товаръ (напр., за 1 фунтъ сахару приходилось платить 2 рубля, а за 1 арш. сукна—25 рублей и дороже); сократился обмѣнъ товарами; казна наша обѣднѣла золотомъ. Кромѣ того, Наполеонъ лишь прикидывался другомъ, а самъ только и думалъ, какъ бы напасть на Россію: набиралъ войска, заготовлялъ большіе запасы провіанта, подговаривалъ поляковъ отложиться отъ насъ и обѣщалъ возстановить ихъ прежнее „царство“ отъ Балтійскаго моря до Чернаго (т.-е. съ захватомъ коренныхъ русскихъ земель). Александръ всѣмъ этимъ сильно возмущался, сталъ тоже готовиться къ войнѣ, но всячески оттягивалъ ее и не разрывалъ союза съ Франціей. Наполеонъ же тѣмъ временемъ увеличивалъ свои силы и приближалъ ихъ къ нашимъ границамъ. Онъ похвалялся, что скоро будетъ владыкою всего міра: „Остается,—говорилъ онъ,—одна Россія, но я раздавлю ее!“.

Нашествіе двадцати языковъ.

И вотъ, 12 іюня 1812 года, во главѣ 200.000 войска, онъ перешелъ, по наскоро наведеннымъ мостамъ, нашу пограничную рѣку Нѣманъ, у города Ковно, и ворвался въ предѣлы Россіи. За этой передовой ратью двигались главныя силы Наполеона, въ 400.000 человѣкъ, и длинные обозы со всѣми необходимыми для войны припасами (имѣлись даже особыя снасти для наводки мостовъ). Въ составъ этой „великой арміи“, какъ её тогда называли, хорошо обученной и вооруженной, входили не одни французы, но много и другихъ подвластныхъ Наполеону народовъ. Тутъ были: поляки, австрійцы, пруссаки, итальянцы, голландцы,

испанцы, португальцы и другіе,—всего до двадцати народовъ. Не даромъ у насъ прозвали эти полчища „нашествіемъ галловъ (т.-е. французовъ) и съ ними двадесяти языкъ“. Наполеонъ былъ увѣренъ, что съ такими силами онъ одолѣетъ Россію, и обратился къ войскамъ съ гордымъ воззваніемъ: „Солдаты! Начинается новая война! Россіи не избѣжать своей участи! Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Эта война будетъ столь же славна для Франціи, какъ и прежнія наши войны!“ И всѣ вѣрили его словамъ—и солдаты, и генералы, и маршалы—потому что привыкли вѣрить

Переходъ черезъ Нѣманъ.

своему счастливому полководцу, который прошелъ съ ними полміра и не проигралъ ни одного сраженія!

А русскій народъ, при первой вѣсти о вторженіи враговъ, пріунылъ: людей темныхъ пугало и самое имя Наполеона (будто бы апокалиптическое) и загоравшаяся на вечернемъ небѣ комета съ длиннымъ хвостомъ... Однако, всѣ готовились къ тому, что лучше умереть, а врагу не покориться. Такъ думалъ и самъ Императоръ Александръ. Онъ сначала всячески хотѣлъ предотвратить войну и послалъ къ Наполеону, когда тотъ уже перешелъ нашу границу, генерала Балашова съ предложеніемъ отвести войска за Нѣманъ и покончить все миромъ. Но гордый завоеватель

не согласился. „Неужели вы думаете,—сказалъ онъ,—что я привелъ столько войскъ только для того, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?“ и потомъ съ усмѣшкой спросилъ государева посла: „Скажите, по какой дорогѣ удобнѣе пройти въ Москву?“ Но Балашовъ сумѣлъ ему хорошо отвѣтить:—„Да есть много дорогъ,—сказалъ онъ,—вотъ, напримѣръ, Карлъ XII, такъ тотъ шелъ черезъ Полтаву“. Не поздоровилось Наполеону отъ такого напоминанія про шведскаго короля: вѣдь, его нашъ Петръ Великій разбилъ наголову подъ Полтавой!.. Послѣ этого Александръ прекратилъ переговоры и объявилъ русскому народу свое царское рѣшеніе: „Не положу оружія, пока ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ!“ Къ войскамъ же былъ посланъ приказъ, въ которомъ говорилось:

„Не надо мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ объ ихъ долгѣ и храбрости: въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!“

Передъ началомъ войны у насъ было войскъ чуть не втрое меньше, чѣмъ у Наполеона, да и тѣ не были собраны въ одномъ мѣстѣ: одна армія, подъ командою Витгенштейна, далеко выдвинутая на сѣверъ, обороняла Петербургъ; а двѣ другія, подъ началомъ Барклай-де-Толли и Багратіона, стояли у нашей западной границы, въ ста верстахъ одна отъ другой. Ихъ пришлось такъ растянуть потому, что не было извѣстно, въ какую сторону пойдутъ главныя непріятельскія силы.

Войска, ободренныя словами государя, рвались въ бой, и готовились грудью встрѣтить врага... Но само дѣло показывало, что намъ невозможно еще мѣряться силами съ грознымъ противникомъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, пока на его сторонѣ такой страшный перевѣсъ силъ. И вотъ на военномъ совѣтѣ, въ присутствіи самого Александра, рѣшено было отступать въ наши внутреннія губерніи, всячески уклоняясь отъ большихъ сраженій, чтобы не растрачивать силъ. Пусть война затянется: зато и врагу придется плохо. У него истощатся запасы, онъ удалится отъ тѣхъ мѣстъ, откуда подходятъ къ нему подкрѣпленія, а главное—мы изнуримъ его утомительными походами по необо-

зримымъ русскимъ равнинамъ, и... силы его отъ этого уменьшатся. Наша же армія къ тому времени войдетъ въ коренныя русскія земли, будетъ у себя дома, гдѣ припасено всего вволю и гдѣ на помощь ей поднимется народъ. Тогда пробьетъ часъ... и мы сможемъ развернуть всѣ наши силы и принять рѣшительный бой.

Такъ порѣшили, и немедленно былъ посланъ приказъ Багратіону спѣшить изо всѣхъ силъ на соединеніе съ Барклаемъ, чтобы не дать времени Наполеону напасть на нихъ врозь. Въ то же время Государь оставляетъ армію и спѣшитъ въ Москву и Петербургъ призвать народъ къ защитѣ отечества. Армію онъ поручилъ Барклаю. „Отнюдь не забывайте,—сказалъ Государь, прощаясь съ нимъ,—что у меня нѣтъ другой арміи". Впередъ Государя были посланы курьеры съ царскими манифестами, въ которыхъ Государь обращался ко всѣмъ россійскимъ сословіямъ, чтобы они „вмѣстѣ съ нимъ однимъ общимъ возстаніемъ шли противъ врага съ крестомъ въ сердцахъ и оружіемъ въ рукахъ... и да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина"...

Царь и народъ.

Когда Александръ, миновавъ западно-русскія, ополяченныя области, вступилъ въ предѣлы коренной Руси, народъ встрѣчалъ его восторженно: изъ селъ и деревень выходило духовенство съ крестами и благословляло царскій путь.

Но особенно трогательную встрѣчу готовила ему первопрестольная столица. Вся Москва вышла 11-го іюля встрѣчать государя къ Дорогомиловской заставѣ. Александръ запоздалъ, но народъ и ночью не расходился: зажегъ костры и густыми толпами расположился по обѣимъ сторонамъ дороги. Когда къ полуночи государь подъѣхалъ къ Поклонной горѣ, здѣсь его встрѣтили жители ближайшаго селенія Фили съ церковнымъ причтомъ: священникъ держалъ серебряное блюдо со крестомъ, а діаконъ зажжен-

ную свѣчу. Поровнявшись съ ними, Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и, глубоко вздохнувши, приложился ко кресту. Священникъ же возгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!“

На другой день, 12-го іюля, уже съ ранняго утра Кремлевская площадь была полна народомъ: всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выхода Государя на Красное крыльцо. И когда онъ, наконецъ, показался, раздалось громовое „ура!“ Казалось, земля дрогнула, и замеръ колокольный звонъ. Народъ тѣснился вокругъ Государя, цѣловалъ края его одежды, прикасался къ его ногамъ. Слышались громкіе голоса: „Не унывай, Государь, видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ! Веди насъ, куда знаешь, отецъ нашъ родимый! Все отдадимъ тебѣ! Умремъ или побѣдимъ съ тобою!“ Государь былъ растроганъ до слезъ. Теперь онъ видѣлъ ясно, что Москва, а за нею и вся Россія, ничего не пожалѣютъ для спасенія отечества. И онъ не ошибся!

15-го іюля собралось въ Слободскомъ дворцѣ дворянство и купечество. Слушали царскій манифестъ о созывѣ народнаго ополченія. Какъ дочитали до того мѣста, гдѣ говорилось, что „врагъ несетъ въ рукахъ для насъ цѣпи и неволю“, послышались негодующіе крики; многіе ударяли себѣ въ грудь и ломали руки: не привыкло русское ухо къ такимъ горькимъ, обиднымъ вѣстямъ... Но вотъ прибылъ Государь, и вмигъ все стихло. И онъ сказалъ, обращаясь къ дворянамъ: „По примѣру дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ, вы не потерпите, чтобы непріятель взялъ насъ въ неволю. Этого ждетъ отъ васъ отечество и Государь“. Въ отвѣтъ на царскія слова зала огласилась криками: „Готовы умереть за тебя! Все, что имѣемъ, отдадимъ тебѣ!“

И тутъ же, не расходясь, дворяне порѣшили поставить и содержать за свой собственный счетъ по 10-ти ратниковъ съ каждой сотни крѣпостныхъ крестьянъ. Отъ дворянъ не отставало и купечество: меньше чѣмъ въ два часа купцы собрали между собою до 2-хъ милліоновъ рублей. Первымъ подписалъ половину своего состоянія—50.000 рублей—московскій городской голова Рахманиновъ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, примолвилъ: „Мнѣ это далъ Господь, а я отдаю родинѣ!“ Жертвовали всѣ, кто чѣмъ могъ: богатые—отъ своихъ богатствъ, бѣдные—отъ своей скудости.

Одинъ бѣдный барнаульскій рабочій, Бѣлкинъ, отдалъ изъ своего скуднаго достатка пять рублей, завѣтныя деньги, доставшіеся ему отъ отца, который наказывалъ беречь ихъ „про черный день“... „И вотъ я разсудилъ“, говорилъ Бѣлкинъ: „что для всѣхъ насъ не можетъ быть дней чернѣе нынѣшнихъ, и потому, исполняя завѣщаніе родительское, прошу принять мои деньги“...

Такъ, по царскому призыву, въ короткое время, было собрано по всей Россіи до 100 милліоновъ рублей и поставлено свыше 30.000 ратниковъ ополченія. Жертвовали не одни русскіе люди, но и другіе народы, живущіе въ предѣлахъ Россіи: татары, греки, армяне, финны и др. „Нельзя не быть тронуту до слезъ“, писалъ Императоръ Александръ одному изъ своихъ друзей: „видя усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ“.

Смоленскъ и Бородино.

Между тѣмъ арміи Барклая и Багратіона все отступали передъ сильнѣйшимъ противникомъ, хотя не разъ сталкивались уже съ нимъ въ мелкихъ схваткахъ... Наконецъ, 22-го іюля онѣ соединились у древнихъ стѣнъ Смоленска. Барклай рѣшилъ не удерживать за собой этого города и отступить со всѣми силами далѣе, къ Москвѣ. Лишь небольшому отряду Дохтурова—одного изъ храбрѣйшихъ героевъ Отечественной войны—приказано было, сколько хватитъ силъ, подольше задерживать непріятеля подъ Смоленскомъ, чтобы дать время нашей главной арміи выбраться на большую Московскую дорогу. Цѣлыя сутки Дохтуровъ, еще не совсѣмъ оправившійся послѣ тяжкой болѣзни, молодецки отбивался, со своимъ небольшимъ отрядомъ (въ 15.000 человѣкъ), отъ нападавшей на него 200.000-ой французской арміи. Послѣ того какъ французы ворвались въ предмѣстья города и бились уже на улицахъ, Барклай послалъ Дохтурову приказъ оставить Смоленскъ. Этотъ древній русскій городъ, немало черныхъ дней перевидавшій на своемъ вѣку, теперь чуть не до основанія былъ разрушенъ

пожарами и не прекращавшейся двухдневной канонадой (т.-е. орудійной пальбой). Жители покинули его и разбрелись—кто куда—по сосѣднимъ и дальнимъ селеніямъ.

Чудотворную икону Смоленской Божіей Матери успѣли спасти и вручить для храненія войскамъ.

Послѣ взятія Смоленска—вѣрнѣе, его развалинъ—Наполеонъ увидѣлъ, что война съ Россіей не похожа на его прежнія войны, изъ которыхъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Впервые онъ сталъ серьёзно задумываться, удастся ли она ему, и первый завелъ рѣчь о мирѣ, но Александръ не отвѣчалъ. Тогда Наполеонъ двинулся къ Москвѣ, вслѣдъ нашей арміи. Здѣсь, на всемъ своемъ пути (по Смоленской и Московской губерніямъ) онъ встрѣчалъ одни только пожарища селъ и деревень, да опустошенныя, голыя поля: жители, заслышавъ, что французы близко, поджигали свои поля и избы, со всѣмъ добромъ, котораго не могли унести, и уходили жить въ шалашахъ въ сосѣдніе лѣса.

Казалось, начало сбываться то, на что такъ разсчитывали лучшіе совѣтники государя, Барклай и другіе: французской арміи приходилось итти опустошенными дорогами, она стала замѣтно уменьшаться въ числѣ и много въ ней уже насчитывалось больныхъ и отсталыхъ... И французы не чаяли, какъ бы скорѣе добраться до Москвы, гдѣ, думали, найдутъ и теплыя квартиры и всего вволю. Однако, не всѣ у насъ это понимали: многимъ не нравилось, что Барклай все отступаетъ (хотя онъ дѣлалъ это, желая, по возможности дольше, сохранять силы арміи). Въ самой арміи стало прорываться недовѣріе къ Барклаю, при чемъ ему много вредила его нерусская фамилія. „Нѣтъ, братцы, дѣло—нечисто“, говорили между собою солдаты: „у насъ командиръ нѣмецъ, и душа его не болитъ по матушкѣ-Россіи“. Конечно, какъ впослѣдствіи и оказалось, Барклай не заслуживалъ такого тяжкаго упрека: душой онъ былъ русскій человѣкъ и горячо любилъ Россію.

Все же Государь счелъ за лучшее назначить другого главнокомандующаго, изъ *природныхъ русскихъ*, князя Михаила Иларіоновича Кутузова.

Это былъ старый, всѣмъ знакомый герой, изъ „Екатерининскихъ орловъ“, ученикъ Суворова. Прослужилъ онъ 50 лѣтъ царю и отечеству. Шелъ ему тогда уже седьмой де-

сятокъ. Видѣлъ Кутузовъ только однимъ глазомъ: вражья пуля прострѣлила другой. Роста былъ невысокаго, сѣдъ, а смотрѣлъ еще бодрымъ. Какъ и Суворовъ, князь не любилъ пышности. Передъ полками всегда появлялся въ поношенномъ походномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, на маленькой казачьей лошадкѣ, съ нагайкой черезъ плечо. Адъютантъ возилъ за нимъ небольшую скамейку: устанетъ князь, слѣзетъ съ коня и сядетъ, а кругомъ стоятъ генералы и слушаютъ его приказанія. Такъ же простъ онъ былъ и съ солдатами: лишнихъ рѣчей не любилъ, а скажетъ всего 2—3 слова, да такъ,

Молебенъ на Бородинскихъ позиціяхъ.

что разомъ загорятся солдатскія сердца. Хорошо онъ зналъ русскаго солдата, вѣрилъ въ его непобѣдимость, какъ вѣрилъ въ несокрушимую мощь Россіи и въ свои собственныя силы. „Разбить меня можетъ Наполеонъ,—говорилъ Кутузовъ,—но обмануть никогда“.

Какъ прослышали въ арміи про его назначеніе, разомъ пріободрились. „Ѣдетъ Кутузовъ бить французовъ“—пошла ходить среди солдатъ поговорка. А Кутузовъ не ѣхалъ, а мчался, поспѣшая изъ Петербурга къ войску. По дорогѣ народъ всюду встрѣчалъ его съ хлѣбомъ-солью; у города Гжатска (Смоленской губ.) жители выпрягли лошадей изъ его кареты и на себѣ ввезли его въ городъ.

Кутузовъ засталъ наши войска у Царева-Займища. Сдѣлалъ онъ имъ смотръ и сказалъ громко, чтобы всѣ его слышали: „Развѣ съ такими молодцами можно отступать?“ Вѣсть объ этомъ, словно молнія, разнеслась по всей арміи; явилась увѣренность, что скоро будетъ большое сраженіе.

И дѣйствительно, послѣ того наши войска недолго отступали: скоро они остановились на широкомъ полѣ, близъ села Бородина (въ ста верстахъ отъ Москвы). Сюда же стали постепенно стягиваться и грозныя силы Наполеона. 26-го августа 1812 года на этомъ полѣ произошелъ знаменитый Бородинскій бой.

Наканунѣ, 25 августа, по приказанію Кутузова, по рядамъ нашихъ войскъ пронесена была съ молебнымъ пѣніемъ икона Смоленской Божіей Матери, спасенная изъ Смоленскаго пожарища: тысячи воиновъ падали на колѣни, вмѣстѣ съ престарѣлымъ вождемъ своимъ, передъ Небесной Заступницей и укрѣпляли себя молитвой. Многіе въ этотъ день отказались отъ положенной порціи водки: „Не къ тому готовимся,—говорили солдаты:—не такой завтра день“. Кутузовъ объѣзжалъ войска и ласково бесѣдовалъ съ солдатами: „Вамъ придется, братцы, защищать землю родную“, говорилъ онъ: „Послужите же вѣрой и правдой до послѣдней капли крови... Каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ часовыхъ, каждые два часа. Надѣюсь на васъ!..“ Къ вечеру нашъ лагерь затихъ; войска дремали вокругъ дымящихся костровъ; кто осматривалъ оружіе, кто чистилъ амуницію, ни смѣха, ни разговоровъ... У французовъ же всю ночь шло ликованіе: гремѣла музыка и слышались громкіе крики: „Да здравствуетъ императоръ!“

Стало свѣтать. Русскія войска давно уже стояли подъ ружьемъ. У французовъ было больше войска, и они первые ударили на нашихъ, и завязался бой, при громѣ тысячи орудій. Наполеонъ самъ лично распоряжался ходомъ сраженія. Онъ посылалъ полки за полками, чтобы сбить съ мѣста русскія войска, но они стояли твердо... Французы особенно старались выбить насъ изъ земляныхъ укрѣпленій, которыя Кутузовъ заранѣе возвелъ среди поля, чтобы легче было изъ-за нихъ защищаться. Наполеонъ направлялъ сюда бѣшеныя атаки своей конницы, обсыпалъ дождемъ ядеръ, ко-

торыя съ трескомъ лопались по всѣмъ направленіямъ: наши грудью отстаивали укрѣпленія и гибли тысячами; на смѣну павшихъ подходили свѣжія войска, и... бой закипалъ снова. Лихо бились и французы, не жалѣли себя. Заваленныя трупами и залитыя кровью укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки и, наконецъ, часть ихъ осталась за французами. Къ этому времени были убиты наши храбрѣйшіе полководцы: Кутайсовъ, Тучковъ и смертельно раненъ Багратіонъ.

Наступала рѣшительная минута. Наполеонъ готовился нанести намъ послѣдній ударъ и послалъ въ атаку свою молодую гвардію. Но Кутузовъ перехитрилъ его. По его приказанію, конница, подъ начальствомъ Уварова, и донскіе казаки съ атаманомъ Платовымъ перешли рѣку Колочу и неожиданно напали на лѣвое крыло французской арміи. Произошелъ большой переполохъ: обозы и охранявшія ихъ войска бросились вразсыпную. Наполеону показалось, что это большія непріятельскія силы хотятъ обойти его слѣва. Гвардія была остановлена. Самъ онъ тотчасъ поскакалъ къ лѣвому крылу, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. При его появленіи, нападеніе русскихъ было отбито: вся тревога оказалась напрасной. Вернувшись, Наполеонъ возобновилъ нападеніе, но... удобное время было уже упущено. За эти два часа наши собрались съ силами и могли выдержать новый натискъ. Тогда, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ Кутузова, Наполеону совѣтовали пустить въ дѣло его отборное войско—„старую гвардію“, но онъ на это не рѣшился. „Я не дамъ,—сказалъ онъ,—разстроить мою гвардію. За три тысячи верстъ отъ Франціи было бы безуміемъ жертвовать послѣднимъ резервомъ“. Только наступившая ночь положила конецъ этому кровопролитнѣйшему 15-тичасовому бою, который все же остался нерѣшеннымъ. И съ той, и съ другой стороны потери были громадны. Наполеонъ былъ удивленъ стойкостью нашихъ войскъ. „Изъ всѣхъ моихъ сраженій,—вспоминалъ онъ впослѣдствіи,—это самое ужасное. Русскіе пріобрѣли въ немъ право называться непобѣдимыми!“

Наши войска и послѣ боя стояли такъ же грозно, какъ и въ началѣ, и были увѣрены, что побѣда осталась за ними. Кутузовъ даже собирался возобновить бой на слѣдующій день, и, когда его отговаривали отъ этого, сердился: „Я

лучше знаю,—говорилъ онъ,—каковы наши дѣла; французы опрокинуты на всѣхъ мѣстахъ: завтра мы погонимъ ихъ изъ священной русской земли". За ночь, однако, выяснилось, что у насъ уцѣлѣла лишь половина арміи. Тогда Кутузовъ отступилъ, въ полномъ порядкѣ, за Можайскъ, къ Москвѣ; онъ рѣшилъ дать новое сраженіе только подъ Москвою. При отступленіи, ему приходилось, насколько было возможно, сдерживать напоръ непріятельской арміи: она хотя и убавилась послѣ Бородинскаго боя, все же была еще чуть не вдвое сильнѣе нашей.

1-го сентября русскія войска остановились въ двухъ верстахъ отъ Москвы, на Поклонной горѣ. Въ тотъ же день вечеромъ Кутузовъ собралъ въ деревнѣ Фили, въ крестьянской избѣ, военный совѣтъ. Надо было рѣшить: дать ли новое сраженіе подъ Москвой (какъ онъ раньше предполагалъ) или, ради спасенія арміи, пожертвовать столицей. Мнѣнія генераловъ были разныя: одни и слышать не хотѣли, чтобы отдать Москву, „сердце Россіи", безъ боя; другіе (и между ними Барклай) говорили, что Россія—не въ Москвѣ, а среди вѣрныхъ сыновъ ея... Споры затянулись за полночь. Тогда Кутузовъ положилъ имъ конецъ такимъ рѣшеніемъ: „Съ потерею Москвы,—сказалъ онъ,—не потеряна Россія, а что будетъ, если потеряемъ войско?! Лучше уступить Москву. Этимъ мы приготовимъ непріятелю гибель. Наполеоновская армія—потокъ, который все равно мы не въ силахъ остановить. Москва же будетъ ему губкой, которая вберетъ этотъ потокъ въ себя.Знаю, что придется быть въ отвѣтѣ мнѣ,—но жертвую собою для спасенія отечества. Приказываю отступать!"

Несмотря на поздній часъ, вѣсть о рѣшеніи главнокомандующаго облетѣла армію. Всѣ пріуныли. Тяжко было на душѣ и у Кутузова, тревожныя думы не давали ему покоя: что будетъ съ Москвой, что будетъ съ Россіей, какой отвѣтъ онъ дастъ Государю? Всю ночь слышалась его тяжелая походка по скрипучимъ половицамъ избы; глубокіе вздохи вырывались изъ груди престарѣлаго вождя. Когда кто-то изъ окружающихъ попробовалъ спросить его, гдѣ же теперь онъ намѣренъ остановиться съ арміей, старикъ ударилъ кулакомъ по столу и гнѣвно сказалъ: „Это мое дѣло! Но ужъ доведу я этихъ французовъ, что будутъ они у меня ѣсть лошадиное мясо!"

Москва пустѣетъ.

Въ Москвѣ радовались Бородинской „побѣдѣ“ и ожидали новаго боя подъ стѣнами столицы. По всему было замѣтно, что бой этотъ будетъ, и будетъ скоро. Отъ Дорогомиловской заставы хорошо было видно, какъ всѣ ближайшія мѣстности наполняются густыми колоннами нашихъ войскъ, а у Поклонной горы спѣшно возводится какое-то укрѣпленіе... Кромѣ того, еще наканунѣ московскій генералъ-губернаторъ, графъ Растопчинъ, призывалъ народъ вооружиться поголовно, кто чѣмъ можетъ—„всего лучше,—шутилъ онъ, подбодряя,—вилы-тройчатки: французъ не тяжеле снопа ржаного!“ Обѣщался и самъ пріѣхать на „Три Горы“, къ мѣсту сбора. И вдругъ, въ ночь на 2-е сентября, получается вѣсть, которой сначала не хотѣли вѣрить: Москва будетъ сдана непріятелю безъ боя, а войскамъ велѣно отступать черезъ городъ на Рязанскую дорогу.

Уже и раньше многіе выѣхали изъ Москвы, а теперь всѣ заторопились оставить столицу. Началось чуть не поголовное выселеніе. Кто побогаче, спѣшно укладываютъ свои пожитки, а чего нельзя захватить съ собою, уничтожаютъ или зарываютъ въ землю: не доставайся только врагамъ! На улицахъ страшная давка... тѣснятся сотни экипажей, обозы, фуры съ больными и ранеными, конный и пѣшій людъ...

Еще ночью выѣхалъ изъ Москвы архіепископъ Августинъ, взявъ съ собою московскія святыни—Владимірскую Божію Матерь и Иверскую икону... Графъ Растопчинъ рѣшилъ: если уже оставлять врагамъ Москву, такъ оставлять пустыней. И вотъ, по его приказанію, сняты въ городѣ всѣ караулы; полиція и пожарная команда съ пожарными трубами отправлены во Владиміръ; уничтожены всѣ невывезенные казенные запасы хлѣба; разбиты бочки съ виномъ по кабакамъ и на винномъ складѣ; сожжены на Москвѣ-рѣкѣ барки, груженыя всякимъ товаромъ...

Въ то время, какъ Москва, покидаемая ея жителями, быстро пустѣла,—уныло и тихо, безъ музыки и барабаннаго боя, проходили черезъ нее кутузовскія войска. Крестясь на соборы и прощаясь съ Бѣлокаменной, многіе солдаты плакали. Не радостно было у нихъ на душѣ: „Если Москва не устояла,—говорили они,—гдѣ ужъ Россіи устоять!“

Но не унывалъ ихъ старый вождь, много перевидавшій на своемъ вѣку. Смотря отъ Коломенской заставы на пустѣвшую и затихавшую столицу, онъ обнажилъ голову, перекрестился и вымолвилъ со вздохомъ:

„Ничего! Это *ихъ* послѣднее торжество!“

Французы въ Москвѣ.

Не успѣли наши войска выйти изъ города, какъ съ противоположной стороны, на Поклонной горѣ, показался на бѣломъ конѣ Наполеонъ. Слѣдомъ за нимъ, словно туча, облегая всю окрестность, надвигалась его армія. Французы не спѣшили войти въ Москву, такъ какъ, по уговору съ нашимъ генераломъ Милорадовичемъ, который прикрывалъ своимъ отрядомъ отступленіе, они должны были выждать время, пока наши войска всѣ выйдутъ. „А не то,—грозилъ Милорадовичъ,—передъ Москвой и въ самой Москвѣ мы будемъ биться до послѣдняго человѣка и не оставимъ въ ней камня на камнѣ!“

317280

Наполеонъ залюбовался открывшимся съ горы видомъ на Москву: вся она блестѣла и сіяла сотнями своихъ золотыхъ куполовъ и крестовъ.

И Наполеонъ воскликнулъ: „Наконецъ—вотъ онъ, этотъ прославленный городъ! Да и пора уже!“

Сойдя съ лошади, онъ приказалъ разостлать на землѣ планъ Москвы и внимательно его разсматривалъ.

Между тѣмъ, срокъ, данный русскимъ на очищеніе города истекалъ. Французамъ очень хотѣлось поскорѣе войти въ него. Наполеонъ далъ знакъ: грянулъ пушечный выстрѣлъ—сигналъ къ вступленію въ Москву.

Вдругъ все пришло въ движеніе. Съ криками: „Да здравствуетъ императоръ!“ мимо него проносились полки за полками... Тучи пыли поднялись въ воздухѣ и закрыли и безъ того слабый свѣтъ сентябрьскаго дня. Топотъ лошадей, звонъ оружія, людской говоръ неслись къ предмѣстьямъ Москвы.

Наполеонъ на Поклонной горѣ.

У Дорогомиловской заставы Наполеонъ остановился въ ожиданіи почетной встрѣчи. Онъ думалъ, что къ нему выйдутъ съ ключами отъ столицы сами сенаторы. Но никто не являлся... Мало того: тѣ французы, которые успѣли уже побывать въ городѣ, передавали, что Москва пуста... Но Наполеонъ этому не вѣрилъ, и приказалъ немедленно привести къ нему русскихъ „бояръ“.

Проходитъ часъ въ напрасныхъ поискахъ... Наполеонъ начинаетъ терять терпѣніе, лицо его дѣлается мрачнымъ... Поодаль стоитъ его свита и не смѣетъ шевельнуться. Наконецъ, вмѣсто бояръ, приводятъ къ нему нѣсколько иностранцевъ, случайно проживавшихъ тогда въ столицѣ, и тѣ подтверждаютъ, что Москва дѣйствительно пуста. Наполеонъ забрасываетъ ихъ вопросами:

— Но гдѣ же сенатъ?
— Онъ выѣхалъ.
— А губернаторъ?
— Тоже.
— А народъ?
— Его... нѣтъ.
— Кто же, наконецъ, есть въ Москвѣ?
— Да тамъ никого нѣтъ...

Дальше Наполеонъ не хотѣлъ разспрашивать. Увидѣвъ, что къ нему ведутъ еще толпу какихъ-то бродягъ, онъ крикнулъ гнѣвно:
— Прогнать этихъ негодяевъ!—сѣлъ на коня и, мрачный, недовольный, поѣхалъ вслѣдъ за арміей.

Наполеонъ смотритъ на пожаръ Москвы.

Какъ на кладбище, среди жуткой тишины, вступали французы въ нашу столицу: на улицахъ—ни души, дома заколочены, ворота на запорѣ...

Переночевавъ со свитой въ Дорогомиловской слободѣ, на слѣдующій день, 3-го сентября, Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль и помѣстился въ царскихъ палатахъ. Теперь онъ почувствовалъ себя лучше. „Наконецъ, я въ Москвѣ, —говорилъ Наполеонъ,—въ древнемъ дворцѣ царей! Въ Кремлѣ! Мы здѣсь спокойно зазимуемъ. Теперь Александръ у меня въ рукахъ и, конечно, не станетъ больше противиться заключенію мира“. Но, какъ увидимъ, Наполеонъ сильно ошибался и ликовать ему было еще рано.

Не успѣли французы водвориться въ священныхъ стѣнахъ Бѣлокаменной, какъ въ ту же ночь начались пожары: загоралось разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а поднявшійся сильный вѣтеръ разбрасывалъ искры по всему городу. Трудно было бороться съ цѣлымъ моремъ огня, къ тому же безъ пожарныхъ трубъ. Наполеонъ былъ очень встревоженъ и негодовалъ на русскихъ: онъ не сомнѣвался, что Москву поджигали сами жители. Смотря изъ оконъ дворца на пылавшее Замоскворѣчье, онъ то и дѣло повторялъ: „Какой ужасъ! Какой ужасъ! Что скажетъ Европа? Москвы нѣтъ! Пропала награда, которую я обѣщалъ моимъ храбрымъ войскамъ. Русскіе сами сожгли свою прекрасную столицу. Что за люди! Это—скиѳы...“ Между тѣмъ, бушующее огненное море все ближе и ближе подходило къ Кремлю, захватывало мосты, всѣ входы и выходы... Вдругъ по покоямъ дворца раздался крикъ: „Кремль горитъ!“ Дѣйствительно, загорѣлась уже одна изъ Кремлевскихъ башенъ—Троицкая. Оставаться въ Кремлѣ было опасно: искры и головни дождемъ сыпались на дворъ, гдѣ стояло болѣе 400 зарядныхъ ящиковъ съ порохомъ. И Наполеонъ поспѣшилъ удалиться за городъ, въ Петровскій дворецъ, съ трудомъ пробравшись сквозь пылавшія улицы. Войска тоже были выведены изъ Москвы и стали лагеремъ на Ходынскомъ полѣ.

Три дня горѣла Москва, какъ одинъ громадный костеръ: зарево отъ него было видно во всѣ стороны верстъ на 50. Отъ Москвы осталась только пятая часть, но Кремль съ его дворцами и храмами уцѣлѣлъ. Наполеонъ переѣхалъ въ него 8-го сентября, когда пожаръ уже прекратился совсѣмъ, и сталъ поджидать отъ нашего государя пословъ съ предложеніемъ мира: „вѣдь, война, — думалъ онъ, — кончена, и Россія покорена“. Но онъ сильно обманулся. Кутузовъ велѣлъ передать Наполеону, черезъ его же посланнаго, генерала Лористона, что война только начинается. Теперь приходилось Наполеону имѣть дѣло не только съ войскомъ, но со *всѣмъ* народомъ, *всѣ* сословія котораго вооружались, чтобы отомстить за Москву, отомстить за оскорбленное отечество.

И въ самомъ дѣлѣ, вѣсти, приходившія съ московскаго пожарища, были одна другой печальнѣе: „вернувшіеся въ Москву наполеоновскіе солдаты безпощадно грабятъ въ домахъ все, что уцѣлѣло отъ пожара, и насильничаютъ надъ не-

счастными жителями; храмы Божіи кощунственно обращены въ полковыя конюшни и склады для дровъ; съ иконъ сорваны серебряные и золотые оклады, а самое дерево покололо на дрова". Отъ этихъ и подобныхъ вѣстей, какъ отъ искры, загорались русскія сердца, и въ помощь войску запылала война народная, война безпощадная!

Государь былъ заодно со своимъ народомъ. Узнавъ о гибели Москвы, онъ горько заплакалъ, но не палъ духомъ: всѣ предложенія Наполеона о мирѣ онъ оставлялъ безъ отвѣта и велѣлъ объявить народу и по войскамъ, что „скорѣе согласится питаться чернымъ хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, чѣмъ подписать постыдный для отечества миръ", и на томъ твердо и до конца стоялъ, какъ увидимъ дальше. Съ великою радостью и надеждами было принято народомъ и арміей рѣшительное царское слово. Вѣдь больше всего боялись, какъ бы не заключили мира съ Бонапартомъ, котораго въ это время многіе считали врагомъ рода человѣческаго, антихристомъ.

Народная война.

Скоро разнеслась молва объ удачныхъ дѣйствіяхъ нашихъ летучихъ отрядовъ: ихъ называли партизанскими. Составлялись они изъ небольшихъ частей конницы, всего больше изъ казаковъ, и вооруженныхъ людей разныхъ сословій: тутъ были и дворяне, и мѣщане, и крестьяне, и даже лица духовнаго званія. Дѣйствовали они, обыкновенно, подъ командой какого-нибудь удалого офицера изъ отставныхъ, на свой страхъ. Долгихъ сборовъ не любили, ихъ правиломъ было: „Взнуздай, садись, пошелъ и къ разсвѣту будь, гдѣ требуется!"

Открытаго боя партизаны избѣгали, а старались дѣйствовать изъ засады. Поразузнаютъ отъ мѣстныхъ крестьянъ, близко ли непріятель и много ли его, да вдругъ, какъ снѣгъ на голову, и нагрянутъ; захватятъ въ суматохѣ обозы, плѣнныхъ, оружіе, знамена, и быстро умчатся и скроются по лѣсамъ и оврагамъ, гдѣ ихъ чужому не сыскать.

Не перечесть, сколько вреда и потерь было французамъ отъ нашихъ лихихъ партизановъ: они мѣшали имъ при рѣчныхъ переправахъ, затрудняли сношенія отдѣльныхъ непріятельскихъ отрядовъ, перехватывали обозы съ провіантомъ и пр.; всюду, словно оводы, кружились они возлѣ врага, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью.

Партизаны.

Изъ партизанскихъ предводителей особенно прославились отвагой и смѣлостью: Денисовъ, Сеславинъ и Фигнеръ.

Вотъ что однажды удалось продѣлать Фигнеру. Былъ онъ изъ дворянъ, хорошо образованъ: по-французски говорилъ такъ, что его трудно было отличить отъ настоящаго француза. Понадобилось ему для развѣдокъ побывать во французскомъ лагерѣ. Взялъ онъ съ собою въ товарищи еще одного офицера, который тоже хорошо говорилъ по-французски. Они переодѣлись во французскіе мундиры, осѣдлали коней и поскакали. Благополучно миновавъ цѣпь французскихъ стрѣлковъ, они подъѣхали къ мосту. Здѣсь стоялъ часовой, французъ. Онъ ихъ окликнулъ:

— Кто идетъ?—и потребовалъ сказать „пароль“ (тайное слово, которое знаютъ только „свои“).

Фигнеръ и вида не подалъ, что не знаетъ ихъ пароля, и еще разбранилъ, по-французски, часового, какъ-дѣ онъ смѣетъ задерживать офицеровъ, провѣряющихъ караулы. Сбитый съ толку часовой пропустилъ офицеровъ. Фигнеръ явился во французскій лагерь, словно свой: подъѣзжалъ къ

кострамъ, спокойно болталъ съ офицерами и солдатами. Незамѣтно повывѣдавъ все, что было имъ нужно, наши офицеры вѣжливо распрощались съ французами и вернулись на мостъ. Фигнеръ еще разъ повторилъ свое замѣчаніе знакомому часовому... Перебравшись черезъ мостъ, они подъѣхали шагомъ къ французской цѣпи, затѣмъ пришпорили коней и ускакали. Тогда только въ цѣпи догадались, что это были русскіе, дали по нимъ залпъ изъ ружей, но пули пролетѣли мимо, и смѣльчаки благополучно вернулись къ своимъ.

О подвигѣ другого знаменитаго партизана Сеславина скажемъ дальше.

Кромѣ того, для выслѣживанія и истребленія враговъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шла французская армія (въ Московской и Смоленской губерніяхъ), цѣлыя деревни сговаривались между собою и составляли вольныя дружины. Вооружали ихъ, чѣмъ Богъ послалъ: топорами, вилами, косами, а то и просто дубинками. Начальниками дружинъ избирали своихъ же крестьянъ. Подъ командою одного такого начальника, крестьянина села Павлова (Богородскаго уѣзда, Московской губ.), Герасима Курина, набралась однажды партія въ 6.000 человѣкъ. И много они бѣдъ натворили французамъ: безъ числа забрали разной добычи, оружія и проч. Но главная работа всѣхъ этихъ отрядовъ была еще впереди...

Отступленіе Наполеона.

Между тѣмъ, Кутузовъ отвелъ свои войска на Рязанскую дорогу, но только для отвода глазъ: пусть, дескать, Наполеонъ думаетъ, что наши отступили далеко, къ востоку. А самъ, сдѣлавъ по Рязанской дорогѣ всего два перехода, искусно перевелъ всю армію на Калужскую дорогу, и тѣмъ закрылъ Наполеону путь въ наши хлѣбородныя губерніи и къ Тульскимъ Оружейнымъ заводамъ. Скоро (20-го сент.) онъ сталъ лагеремъ у села Тарутина, какъ разъ на полдорогѣ между Москвой и Калугою. „Теперь“, сказалъ Кутузовъ, „ни шагу назадъ!“... Здѣсь наши войска хорошо отдохнули и пополнили убыль, полученную въ Бородинскомъ

бою. Изъ сосѣднихъ селеній понавезли къ нимъ въ лагерь много разныхъ припасовъ, такъ что солдатамъ чуть не ежедневно выдавались порціи мяса и вина. Отовсюду стягивались въ Тарутино подкрѣпленія: одинъ Донъ прислалъ 26 казачьихъ полковъ; много пришло и новобранцевъ, которымъ тутъ же производилось ученіе.

Французамъ же въ Москвѣ приходилось плохо: припасы у нихъ были на исходѣ, а окрестные крестьяне ничего не хотѣли имъ продавать; обозы съ хлѣбомъ, шедшіе издалека, перехватывались партизанами. Ѣли они, по нуждѣ да съ голо-

Отступленіе Наполеона.

да, что попало: и воронъ, и кошекъ, и конину. Не было корма и для скота, и французская конница теряла ежедневно по нѣсколько сотъ лошадей. „Великая армія“ день ото дня все уменьшалась и разваливалась. Въ ней ужъ не было прежняго порядка: солдаты плохо слушались своихъ командировъ, занимались грабежами, пьянствомъ, а то и вовсе убѣгали изъ полковъ...

Наполеонъ понималъ, что дѣла его плохи, и что оставаться дальше въ Москвѣ—значитъ погубить армію. Однако, гордость и страхъ показаться смѣшнымъ удерживали его, и онъ все ждалъ, не отзовется ли Александръ на его мирныя предложенія. Тогда все не такъ зазорно было бы оставить

Москву. Но отъ Александра никакихъ вѣстей... А пришла другая, непріятная для Наполеона, вѣсть: кутузовская армія, которую считали находящейся далеко, перешла въ наступленіе и 6-го октября на рѣчкѣ Чернишнѣ (недалеко отъ Тарутина) нанесла передовымъ французскимъ войскамъ сильное пораженіе, при чемъ захватила до 1500 человѣкъ въ плѣнъ и отбила 40 пушекъ. Наполеонъ былъ сильно напуганъ этимъ, и въ ту же ночь, съ 6-го на 7-ое октября, вышелъ съ войскомъ изъ Москвы. Много при этомъ было захвачено разной добычи: длинный обозъ съ награбленными вещами тянулся за французскимъ войскомъ, и, кромѣ того, много еще уносили на себѣ и везли въ ручныхъ телѣжкахъ и тачкахъ солдаты „великой арміи“. Наполеонъ самъ подалъ тому дурной примѣръ: онъ приказалъ снять громадный вызолоченный крестъ съ колокольни Ивана Великаго: думали, что онъ изъ чистаго золота. Удаляясь изъ Москвы, Наполеонъ распорядился взорвать порохомъ Кремлевскія стѣны и зажечь Царскій дворецъ. Много бѣдъ надѣлали эти взрывы въ Кремлѣ и сильно напугали остававшихся въ Москвѣ жителей. Соборы кремлевскіе, однако, уцѣлѣли отъ разрушенія...

Это было послѣднимъ бѣдствіемъ нашей многострадальной столицы: черезъ два дня въ нее уже вступили отряды русскихъ войскъ, и она стала понемногу оживать... Прежде всего принялись освобождать улицы и площади отъ загромождавшаго ихъ мусора и множества труповъ людей и животныхъ; очищать и освящать осквернённые храмы... Скоро раздался надъ московскимъ пожарищемъ и первый церковный благовѣстъ, котораго давно не было слышно въ Москвѣ. Москвичи осѣняли себя крестомъ и радостно повторяли: „Славу Богу! очнулась наша матушка-Москва!“

Тарутинская побѣда и уходъ французовъ изъ Москвы очень ободрили и войска, и народъ. Теперь легче вѣрилось, что черные дни миновали и что мы, съ Божіей помощью, скоро справимся съ врагомъ. Говорятъ, когда Кутузову донесли объ уходѣ французовъ изъ Москвы, старикъ отъ радости заплакалъ и, обратясь къ образу Спасителя, сказалъ: „Боже! Спаситель мой! Наконецъ, Ты внялъ молитвамъ нашимъ! Теперь Россія спасена!“ Кажется, и самъ Наполеонъ сталъ догадываться, что его силу надломила

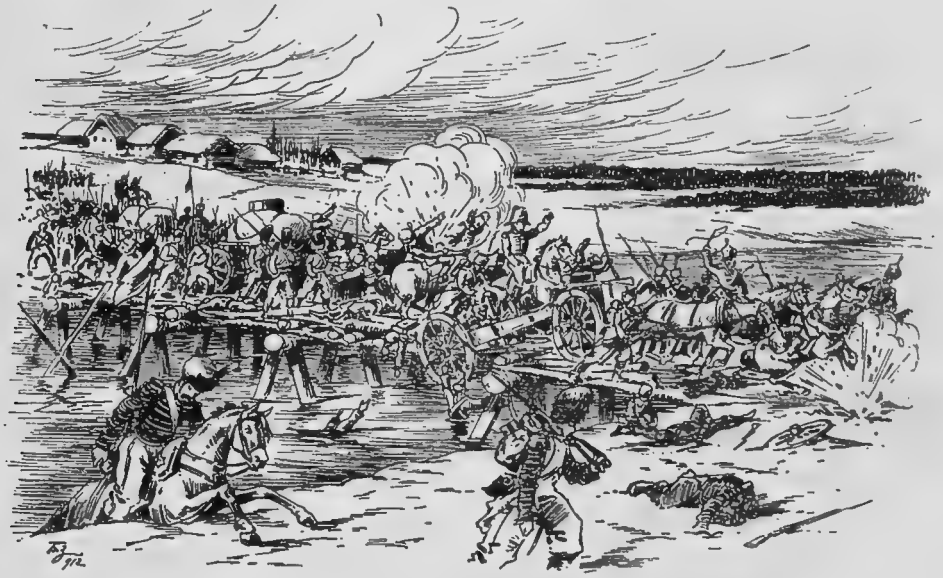
какая-то другая, высшая сила — беззавѣтная преданность всего русскаго народа царю и родинѣ; и что ему остается для спасенія арміи одно—поспѣшное бѣгство.

Теперь Кутузову важно было знать, по какой дорогѣ будетъ отступать Наполеонъ. Врядъ ли, думалось ему, пойдетъ онъ тѣмъ путемъ, какимъ шелъ на Москву — здѣсь все повыжжено, опустошено; скорѣе—окольнымъ: на Калугу. Догадка его скоро подтвердилась.

Однажды партизанъ Сеславинъ выслѣживалъ изъ лѣсу, у Боровской дороги, французовъ. Онъ взобрался на высокое дерево и видитъ: ѣдетъ карета Наполеона, а за нею слѣдуетъ его старая гвардія. Этихъ молодцовъ Сеславинъ сейчасъ же узналъ по гордой поступи и высокимъ медвѣжьимъ шапкамъ съ красными султанами. Но Сеславинъ не удовлетворился этимъ. Онъ еще ближе подкрался къ французамъ и схватилъ одного зазѣвавшагося гвардейца: связалъ его, перекинулъ черезъ сѣдло, да и былъ таковъ... О своемъ важномъ открытіи Сеславинъ, не мѣшкая, далъ знать Кутузову, и тотъ приказалъ отрядамъ Дохтурова и Платова немедленно двинуться наперерѣзъ Наполеону, къ городу Малоярославцу. Главнокомандующій и самъ обѣщалъ выступить слѣдомъ же, со всей арміей. Однако, передовые французскіе отряды раньше нашихъ успѣли занять Малоярославецъ, и Дохтурову съ Платовымъ пришлось ихъ оттуда выбивать. На улицахъ этого маленькаго городка закипѣлъ горячій рукопашный бой (12-го октября). Малоярославецъ былъ весь въ огнѣ и восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Скоро подошелъ съ большими силами и самъ Наполеонъ. Онъ уже зналъ, что въ Малоярославцѣ его войска бьются съ небольшимъ русскимъ отрядомъ, но это мало его занимало. Онъ зорко, съ тревогой смотрѣлъ влѣво отъ города: какъ бы самъ Кутузовъ не нагрянулъ сюда со своими главными силами... Такъ и есть: вотъ понеслись оттуда облака пыли... вотъ сверкнули въ нихъ тысячи штыковъ... Предчувствіе его не обмануло: 90.000-ая русская армія стала размѣщаться въ боевомъ порядкѣ позади города и заняла Калужскую дорогу... Итакъ, русскіе его предупредили! Съ ними и ихъ старый вождь. Никогда Кутузовъ такъ долго не оставался подъ непріятельскими выстрѣлами, какъ въ этотъ день: онъ понималъ, что подъ

Малоярославцемъ, можетъ быть, рѣшается участь всей войны, судьба Россіи, и хотѣлъ собственными глазами слѣдить за ходомъ сраженія. Ночью французы, все-таки, завладѣли городомъ, но это имъ обошлось очень дорого: у нихъ выбыло изъ строя болѣе 6.000 человѣкъ, а пользы отъ того никакой—попрежнему передъ ними стоитъ, словно стѣна, кутузовская армія (она почти не принимала участія въ сраженіи) и не пускаетъ ихъ на Калужскую дорогу.

И Наполеонъ не зналъ, что ему дѣлать. Созвалъ онъ на совѣтъ въ крестьянскую избу, въ деревнѣ Городнѣ,



Переходъ черезъ Березину.

(неподалеку отъ Малоярославца) лучшихъ своихъ генераловъ: разсказалъ имъ, въ какомъ трудномъ положеніи его армія, и замолчалъ отъ тяжкихъ думъ, уставивъ взоръ на разостланную на столѣ карту сраженій. Ничего не могли придумать и его генералы... На томъ и кончилось ихъ совѣщаніе... Наполеонъ, однако, не рѣшился пробивать себѣ путь, для чего пришлось бы вступить въ новое большое сраженіе со свѣжими войсками Кутузова, и отступилъ на Можайскъ. Для насъ это равнялось побѣдѣ: мы принудили врага отступать по той самой дорогѣ, по которой, два мѣсяца назадъ, онъ шелъ на Москву. Этотъ путь былъ сплошной мертвой пустыней: ни жилья, ни жителей, ни корма для людей и скота. Скоро стряслась и новая бѣда. Начало зимы было мягкое, но въ концѣ октября ударили морозы, съ снѣж-

ными вьюгами и метелями. Безъ привычки къ нашему климату, плохо одѣтые, въ изорванной обуви, французы принуждены были кутаться, во что попало: кто въ мужицкую шубу, кто въ женскую кофту, кто въ лошадиную попону. Голодные и окоченѣвшіе отъ холода, шли они нестройными толпами, рядовые вперемѣшку съ офицерами и генералами, напоминая скорѣе толпу плѣнныхъ, чѣмъ грозное войско. Каждый изъ этихъ несчастныхъ думалъ только объ одномъ, какъ бы ему скорѣе добраться до костра и раздобыть гдѣ-нибудь хоть кусочекъ конскаго мяса... Много ихъ замерзало, умирало съ голоду, много добровольно отдавалось въ плѣнъ русскимъ крестьянамъ.

И безъ того французской арміи приходилось плохо, а тутъ еще, чуть не ежедневно, надо было отбиваться отъ налетавшихъ съ разныхъ сторонъ казачьихъ и партизанскихъ отрядовъ, а временами—вступать въ жестокій бой съ преслѣдовавшей ихъ по пятамъ кутузовской арміей (напр., подъ Краснымъ, Вязьмой). Наши шли немного южнѣе, по мѣстности заселенной и всего имѣли вдоволь, хотя тоже часто страдали отъ зимней стужи, болѣзней и быстрыхъ переходовъ... „Великая же армія“ отъ всѣхъ выпавшихъ на ея долю невзгодъ съ каждымъ днемъ уменьшалась и приходила все въ бо̀льшее разстройство.

Гибель великой арміи и окончаніе Отечественной войны.

Но главныя бѣдствія были еще впереди: предстояла трудная переправа черезъ рѣку Березину, правый притокъ Днѣпра. Наступила оттепель, приходилось спѣшно наводить мосты, работая по грудь въ мерзлой водѣ, среди напиравшихъ льдинъ. Переправа (у села Студянки) далеко еще не была окончена, какъ (16-го ноября) подоспѣли русскія войска. Французы въ смятеніи бросились къ мостамъ. Произошла страшная давка. Часть мостовъ обрушилась: люди, лошади, повозки—падали въ воду и гибли тысячами. Самъ Наполеонъ едва не попалъ въ плѣнъ, но его великой арміи уже

не существовало... Жалкіе ея остатки—всего 1.000 вооруженныхъ и около 20.000 безоружныхъ бродягъ—были настигнуты (2-го декабря) подъ г. Ковно Платовымъ и поспѣшно отступили за нашу границу, р. Нѣманъ.

Наполеонъ еще раньше (23 ноября) бросилъ ихъ на произволъ судьбы и, передавъ главное начальство маршалу Мюрату, уѣхалъ во Францію набирать новыя войска. Къ концу 1812-го года въ Россіи не оставалось уже ни одного вооруженнаго непріятеля. Въ первый день Рождества Христова (25 декабря 1812 года) Россія праздновала свое избавленіе отъ нашествія галловъ (т.-е. французовъ) и съ ними двадцати народовъ, и съ тѣхъ поръ это празднество повторяется ежегодно 25-го декабря.

Такъ кончилась Отечественная война! Гордые замыслы врага покорить великій, могучій русскій народъ потерпѣли полное крушеніе! Громадныя силы и средства двинутыхъ противъ Россіи двадцати народовъ и великіе таланты ихъ знаменитаго полководца оказались безсильными передъ твердой рѣшимостью русскаго царя и самоотверженной преданностью его народа вѣрѣ, престолу и родинѣ!

Въ благодарность Господу за спасеніе Россіи отъ угрожавшей опасности, Императоръ Александръ I повелѣлъ соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя, который былъ оконченъ только въ царствованіе императора Александра III. На мраморныхъ стѣнахъ его, на вѣчную память потомству, начертаны золотыми буквами имена всѣхъ славныхъ героевъ Отечественной войны, проливавшихъ свою кровь за родину.

Русскіе въ Парижѣ.

Послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, Императоръ Александръ рѣшилъ и другіе народы Европы освободить отъ владычества Наполеона, и наши войска, подъ командой Кутузова, перешли 1-го января 1813 года русскую границу. При арміи все время находился и самъ Государь. Въ этой войнѣ нашему Императору помогали, вступивъ съ нимъ въ

союзъ, другіе европейскіе государи — особенно король прусскій. Большая союзная армія разбила новыя войска Наполеона и вступила въ столицу Франціи—Парижъ.

Наполеонъ былъ свергнутъ съ престола и сосланъ на отдаленный островъ Св. Елены (у западныхъ береговъ Африки), гдѣ и провелъ всю остальную жизнь.

Императоръ Александръ не помнилъ зла. Онъ обласкалъ французовъ, строго слѣдилъ, чтобы чужеземныя войска (австрійскія, прусскія и др.) не обижали ихъ. „Я прихожу къ вамъ,—говорилъ онъ парижанамъ,—не врагомъ: я приношу вамъ миръ“... „У меня только одинъ врагъ во Франціи, это—тотъ, кто обманулъ меня, кто нарушилъ данную мнѣ клятву и внесъ въ мое государство войну самую беззаконную (т.-е. Наполеонъ)... Францію же и французовъ я уважаю и желаю имъ добра“...

Вскорѣ на французскій престолъ былъ возведенъ новый государь, съ согласія Александра и союзныхъ государей, и иностранныя войска, въ томъ числѣ и наши, удалились изъ Франціи. Въ Европѣ настало, наконецъ, спокойствіе.

Такъ, по словамъ А. С. Пушкина:

„...въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ“.

До этихъ мирныхъ дней не довелось дожить Кутузову: онъ умеръ въ самомъ началѣ новой войны въ прусскомъ городкѣ Бунцлау 16-го апрѣля 1813 года. Король прусскій поставилъ на мѣстѣ его кончины памятникъ съ такой надписью: „До этого мѣста князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя войска, и здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя!“ А нашъ Государь послалъ собственноручное письмо вдовѣ Кутузова: „ Съ вами плачу я,—писалъ онъ,—

и плачетъ вся Россія. Благодарное отечество никогда не забудетъ заслугъ его". Прахъ Кутузова былъ перевезенъ на родину и нынѣ покоится въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ.

Императоръ Александръ I, освободитель Россіи и Европы, скончался въ 1825 году. Народъ прозвалъ его Благословеннымъ. Въ честь его впослѣдствіи поставлена въ С.-Петербургѣ высокая колонна, высѣченная изъ темно-краснаго гранита. На верху ея помѣщена фигура ангела съ крестомъ въ рукахъ. Надпись на колоннѣ гласитъ:

„Александру Первому благодарная Россія".

Памятникъ Императору Александру I въ С.-Петербургѣ.

Б-ка

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Канцелярія Попечителя Московскаго Учебнаго Округа
Волхонка, 18.